

Глава 11. Милость

Братья Тао докладывали обо всех подробностях.

Как только ситуация была взята под контроль и Жун Цзюаня увели подальше от посольства, они немедленно отправились в резиденцию генерала.

Выслушав их, Се Яньчжоу сперва решил, что это была оплошность убитого. Воины ужунов от природы крепки и рослы. Если такого гиганта заколол человек, не способный и цыплёнка резать, то уж не убийцу же в этом винить?

— Отзовите наших людей. Сообщите в посольство, что первоначальный план отменяется.

Смерть в посольстве была предрешена. Обострение отношений должно было заставить Его Величество принять твёрдое решение.

Когда же он услышал, что Жун Цзюань просил передать ему весточку, генерал едва заметно кивнул.

— Наконец-то он использовал свой долг по назначению.

А не для того, чтобы выпросить денег на починку уборной.

Тао Юн на мгновение замешкался, выражение его лица стало странным.

Юноша действительно просил о помощи, но не о том, чтобы Се Яньчжоу вытащил его из беды, а лишь о том, чтобы передать одну странную фразу.

Когда он, всё ещё озадаченный, повторил её, лицо командующего, до этого бесстрастное, заметно изменилось.

Спустя мгновение в его глазах промелькнула тень усмешки.

— Все говорят, что один сын Жун Чэнлиня — никчёмный, а другой — вылитый отец. Но, похоже, истинный ум унаследовал тот, кого все считают пустым местом.

Зная слабость и нерешительность нынешнего императора, даже после убийства на глазах у всех, оставалась вероятность мирного урегулирования.

Поэтому они должны были готовиться к худшему. Используя ранее полученные сведения, они намеревались сперва заручиться поддержкой императрицы.

И план Жун Цзюаня оказался на восемьдесят процентов схож с их собственным.

Тао Юн, неверно истолковав его слова и услышав упоминание Жун Чэнлиня, воспринял это как упрёк.

Он склонил голову.

— Генерал, это посольство ужунов перешло все границы, посмев открыто...

— У меня свои планы.

Понимая, что император скоро вызовет его во дворец, Се Яньчжоу не стал вдаваться в подробности, лишь отдал приказ:

— Скажи Сюэ Жэню, чтобы не забывал продолжать давать Жун Хэнсуну лекарство.

— ...

В столице нет секретов.

В мгновение ока весть об убийстве, совершённом Жун Цзюанем, разнеслась по всем улицам и переулкам. Теперь весь город, от простолюдинов до знати, обсуждал гибель посланника.

Но в отличие от прошлого раза, когда молодого господина Жуна несправедливо бросили в тюрьму и все наблюдали за этим как за спектаклем, на этот раз почти все были на его стороне.

— Посланник ужунов под предлогом возвращения соотечественников оскорбил Великую Лян! Смерть ему! — возмущённо восклицали учёные мужи.

Интеллигенция, собиравшаяся в литературных кружках, сходилась во мнении, что из всех присутствовавших там чиновников ни один не осмелился одёрнуть посольство, и в этом была их главная ошибка. Иначе дело не дошло бы до такой крайности.

Если учёные мужи, скованные условностями, выражались сдержанно, то простой народ ревел во весь голос. Этот господин Жун, едва вступив в должность, стал жертвой козней мачехи и был отравлен редким ядом. Несмотря на крайнюю слабость, он нашёл в себе силы заколоть ужуна. Очевидно, его гнев достиг предела. Люди наперебой восхваляли его отвагу.

Тем временем Хоу Шэнь, вернувшись с места происшествия в Министерство ритуалов, всё ещё не мог прийти в себя.

Вспоминая, как подчинённый несколько раз упоминал о желании покинуть службу, Хоу Шэнь в отчаянии бил себя в грудь.

Из ведомства как раз выходил господин Кун. Хоу Шэнь с тревогой на лице бросился к нему.

— Господин!

Отвечая на вопросы начальства, он в нескольких словах пересказал случившееся.

— Я не ожидал, я и представить не мог, что Жун Хэнсун... Что же теперь делать?

Господин Кун был, по сути, главой всего Министерства ритуалов. Хоу Шэнь мог просить совета только у него.

— Господин, придумайте что-нибудь.

Великая Лян не может казнить своего подданного за убийство какого-то ужуна.

Лицо господина Куна сменяло цвета от багрового до мертвенно-бледного. Он не стал сразу браниться. Подумав некоторое время, так долго, что собеседник уже решил, что и он бессилён, обычно невозмутимый чиновник несколько раз прошёлся взад-вперёд и вдруг, немного успокоившись, приказал:

— Карету!

Младший служащий у ворот мигом подал экипаж.

Лошади почти летели до самых дворцовых врат. У Зала Сюаньчжэн уже толпилось множество чиновников, погружённых в жаркие споры.

Их голоса, конечно же, не были едины. Одни осуждали, другие возражали. Площадь перед залом напоминала шумный рынок.

Господин Кун обвёл всех взглядом и безошибочно нашёл Великого наставника Су.

Он уже собирался подойти, но увидел, что старик с кем-то беседует. Когда толпа расступилась, стало видно, что это был Великий инспектор. Казалось, они пришли к какому-то соглашению и в знак этого кивнули друг другу.

***

Пока снаружи царил хаос, Жун Цзюаня только-только передали в руки Управления по надзору. Он готовился встретить спокойные и безмятежные дни.

Тюрьма Управления по надзору пропахла застарелой кровью. Даже стоя у входа, можно было почувствовать гнетущую атмосферу безысходности.

Тюремщик с каменным лицом ожидал передачи заключённого.

Когда формальности были улажены, он приказал подчинённым:

— Чего стоите? Снимите с него этот чиновничий мундир!

В камере-одиночке стояла ширма, за которой находилась лохань с горячей водой. На ширме висела чистая, новая арестантская роба.

Одежда была забрызгана не только кровью, но и кусочками плоти, отсечёнными мечом. Жун Цзюань с отвращением стянул её с себя и поспешно переоделся.

Условия в тюрьме оказались на удивление хорошими. На этот раз его поместили в роскошную камеру у самого входа. Здесь было окно, поэтому не было сырости, даже наоборот, душновато. В углу стояло специальное ведро со льдом для охлаждения воздуха.

Вместо соломенной подстилки — удобная лежанка.

Вот только обстановка немного давила.

— Можно поставить пару букетов свежих цветов? — спросил молодой человек. — Воздух здесь не очень.

Тюремщик безжалостно запер дверь.

— Это тебе не сад для прогулок.

Через четверть часа цветов не появилось, но у двери возникла небольшая, с ладонь, курильница. Внутри уже тлели благовония, источая тонкий аромат. Сосед по камере напротив ошарашенно смотрел на это.

Когда тюремщик ушёл, он, вцепившись в решётку, спросил:

— Парень, как тебе это удалось?

В тюрьме Управления по надзору сживали и князя, и вельможи, и каждый, кто сюда попадал, выходил с содранной шкурой.

Наслаждаясь VIP-обслуживанием, Жун Цзюань бескорыстно поделился секретом успеха:

— Просто убей варвара в посольстве.

Этот удар мечом пришёлся не только в сердце ужуна, но и в самое сердце народа Лян.

У соседа по камере глаза чуть не выпали из орбит.

Отказавшись от дальнейших разговоров, юноша мягко опустился на лежанку. Он не хотел двигаться. Ладонь, сжимавшая меч, была содрана и горела огнём.

В обычное время сейчас уже начинался бы послеобеденный рабочий день.

— Сидеть в тюрьме куда приятнее, чем работать, — пробормотал он, блаженно готовясь к дневному сну.

Система тоже хотела вздремнуть.

[Подожди, а я не перееду после того, как ты проснёшься?]

Она обитала в мозгу Жун Цзюаня. Если его казнят, её ждёт «радостное» новоселье.

Он не ответил, уже проваливаясь в дрему. Система поспешно встряхнула его извилины.

[Малыш Жун, ты просил того воина передать в резиденцию генерала, что брак, которого так жаждут ужуны, можно использовать как уловку для раздора. Что это значит?]

[Проснись! Один провал миссии придётся отрабатывать десятью новыми.]

Если так пойдёт, их ждёт пожизненная каторга.

Понимая, что без объяснений отдохнуть не удастся, Жун Цзюань устало и вяло проговорил:

— Мёртвый посланник ужунов не важен. Я тоже не важен. Окончательный приговор зависит лишь от отношения императора к ужунам. Если он настроен на мир, меня сурово накажут. Если нет — отнесутся снисходительно, а то и похвалят.

Ключ к решению проблемы — заставить императора поверить, что буря утихла и он снова всё контролирует.

— Южные и северные племена ужунов объединились. Великая Лян тоже может найти себе союзников.

[Союзников?]

Система на мгновение запустила ИИ.

[Поблизости есть только прибрежное племя Бай Сюй, но они всегда выжидали, чтобы поживиться за чужой счёт.]

— Достаточно заставить ужунов поверить, что мы объединились, — он, как опекун непутевого ребенка, говорил с Системой, не знающей даже пословиц, с особым терпением.

— Посланник ведь кричал, что их правитель хочет жениться на принцессе? — спокойно продолжал он. — Узнав об этом, император непременно задумается.

Как ни странно, это была единственная достоверная деталь во всей этой истории.

— И что, если в этот момент кто-то подскажет ему выдать принцессу замуж за правителя Бай Сюй?

ИИ Системы завис. Через мгновение он выдал результат:

[Император обожает интриги. Он слаб во внешней политике, но жесток во внутренней. Вероятность того, что эта идея ему понравится, составляет восемьдесят процентов.]

[А ужуны, скорее всего, обеспокоятся союзом Бай Сюй и Великой Лян. Их племена находятся за тысячи ли от побережья, и они не смогут быстро проверить эту информацию.]

Жун Цзюань лениво перевернулся на другой бок, отвернувшись от солнечного луча, пробивавшегося сквозь решётку.

— Если император пойдёт на это, ему придётся демонстрировать уверенность и силу. А значит, он не станет меня сурово наказывать.

От долгого разговора у него перехватило дыхание, и юноша, приподнявшись, закашлялся.

— А если что-то пойдёт не так, ты создашь какое-нибудь суеверие.

Система, слишком долго наслаждавшаяся праздной жизнью, едва не забыла, что её главный талант — мистификации.

Она вдруг с сожалением произнесла:

[Жаль, что наша миссия не заключается в сборе данных о принцессе и её браке по расчёту.]

Тогда бы они быстро закончили работу.

— Не выйдет.

Брак принцессы — это пирог, который император будет долго всем показывать, но не отдаст сразу.

— У этого Его Величества трусости хватит на десятерых, — равнодушно заметил Жун Цзюань.
— Он всегда оставляет себе путь к отступлению и никогда не рубит с плеча.

Такое промедление на данном этапе, наоборот, было для принцессы сасавным спасением.

Когда Жун Цзюань наконец откашлялся, тюремщик принёс ужин. Шесть блюд и суп. Аромат был такой, что сосед по камере разрыдался от зависти.

Заключённый собрался было отхлебнуть супа, чтобы промочить горло.

— После этого меня наверняка отстранят от должности. Да здравствует отстранение, ура! За это и выпьем.

[Подмешано,] — напомнила Система.

— ?

[В этой миске добавка.]

Такое же тонизирующее и противоядное средство, как и в резиденции генерала.

Жун Цзюань открыл рот.

Нет, ну серьёзно, он уже в тюрьме, а Се Яньчжоу всё равно преследует его со своими лекарствами!

***

Императорский дворец

Императора называли истинным драконом, сыном неба. Насчёт дракона были сомнения, а вот настроение у него менялось быстрее, чем погода.

Услышав о гибели посланника, Его Величество готов был изрубить виновника на тысячу кусков. Перед тем как созвать советников, он долго изливал свой гнев в покоях наложниц.

С высоты трона он взирал на срочно вызванных сановников. Взгляд его упал на Жун Чэнлиня, и гнев вспыхнул с новой силой.

В зале царила тишина.

— Вы что, все онемели? — ледяным голосом произнёс монарх. — Канцлер Жун, хорошего же ты сына воспитал!

Жун Чэнлинь вышел вперёд, сохраняя обычное спокойствие. Но те, кто был с ним близок, чувствовали, что тот вот-вот взорвётся от ярости на своего непутёвого отпрыска.

— Ваше Величество, — произнёс он сдержанно, — мой недостойный сын совершил тяжкое преступление и, несомненно, горько раскаивается. Умоляю вас, позвольте мне увидеться с ним, дабы он не наделал новых глупостей.

Присутствующие чиновники обменялись взглядами. Даже журавль на алом халате Правого канцлера казался сегодня мрачным. Никто из них не был глупцом.

За этой отеческой заботой скрывался тонкий намёк: позволить сыну покончить с собой в тюрьме, чтобы дать удовлетворение ужунам. Таким образом, и золотая медаль, дарующая освобождение от смерти не будет нарушена.

Хитёр канцлер Жун.

Господин Кун, отбросив свою обычную миролюбивость, шагнул вперёд. Сперва он привёл в пример случай из прошлой династии, когда посольство, совершившее преступление в столице, было сурово наказано, и этот поступок вошёл в анналы истории как пример доблести. Затем он добавил:

— Ваше Величество, ужуны только что потерпели поражение, и всё же осмеливаются с такой дерзостью вновь поднимать вопрос о городе Туньюань. Нельзя потакать их наглости, иначе что напишут о вас потомки в летописях?

Он точно ударил в самое болезненное место императора — его тщеславие и любовь к славе.

Государь нахмурился. Он уже готов был согласиться с предложением канцлера, но теперь заколебался. Он поочерёдно опросил ещё нескольких сановников.

Выслушав их мнения, многие чиновники искоса поглядывали на Се Яньчжоу, недоумевая, почему Его Величество обошёл генерала молчанием.

Император не хотел слушать Се Яньчжоу. Была и другая причина: рядом с ним он всегда чувствовал себя немного виноватым. В своё время именно он намеренно затянул с отправкой подкрепления, что косвенно привело к смерти его отца.

Этот юноша был так похож на своего отца — словно острый клинок, чью мощь невозможно скрыть. Всего за несколько лет он превзошёл своего родителя. Давать ему возможность одерживать новые победы было опасно.

Вспомнив, что один из сановников упоминал о желании ужунов заключить брачный союз, император, немного остыв, погрузился в расчёты. К счастью, брак Чжао Хэ не состоялся. Раз уж не удалось удержать генерала в столице с помощью дочери, можно найти ей более выгодную партию.

Сановники ждали, но Се Яньчжоу так и не вышел вперёд. Вместо него слово взял Великий наставник Су.

— Ваше Величество, если уж говорить о брачном союзе, то лучше установить дипломатические отношения с государством Бай Сюй.

Император, перебиравший нефритовое кольцо на пальце, замер.

Государство Бай Сюй располагалось на побережье и славилось своим флотом. Все эти годы, пока Великая Лян воевала с ужунами, они выжидали. Бай Сюй ни за что не откажется от союза с Великой державой.

— Ваше Величество, этот шаг может спровоцировать ужунов... — тут же возразил Жун Чэнлинь.

— Ваше Величество, я также поддерживаю это предложение, — мягко прервал его Великий инспектор. — Можно сперва объявить о помолвке. А чтобы принцесса не тосковала по дому, пусть Бай Сюй построит для неё небольшой дворец. Свадьбу же можно сыграть позже.

Император вдруг рассмеялся. Он уловил скрытый смысл: пока брак не заключен, ужуны будут беситься, а Бай Сюй — укреплять союз.

— Советник прав. Так и Чжао Хэ сможет дольше побыть со мной.

Жун Чэнлинь не стал напрашиваться на неприятности и молча отошёл в сторону.

Громкое убийство превратилось в политическую игру, и Жун Цзюань в этом процессе оказался совершенно не у дел. Что касается его наказания, всем уже было ясно: кара не будет слишком суровой.

***

Вечером император наслаждался отдыхом в павильоне созерцания луны. Слуга доложил о приходе императрицы.

Вскоре вошла Чжэн Вань. Даже ночью она была в пышном наряде. Присев рядом с супругом, она мягко произнесла:

— Ваше Величество, я уже успокоила Чжао Хэ.

Государь только теперь удостоил её взглядом.

— Ты готова отпустить Чжао Хэ?

— Правитель Бай Сюй всего на несколько лет старше неё, — кивнула императрица. — К тому же, замуж она выходит не сразу. Её долг — служить вам, Ваше Величество.

Император, вне себя от радости, заключил супругу в объятия. Конечно, не сразу. В крайнем случае, если ужуны станут слишком сильны, можно будет выдать Чжао Хэ за них.

— Я дам дочери самое богатое приданое.

Сердце императрицы наполнилось ледяным холодом. Отношение мужа развеяло её последние надежды. Вспомнив слова Великого инспектора, она окончательно утвердилась в своём решении.

— А как Ваше Величество поступит с тем юношей, что заколол посланника? — спросила она.

— Отстраню от должности, и только.

— Ах, — прошептала она, — варвары так злопамятны. Боюсь, они долго будут помнить об этом. Они наверняка будут постоянно выражать своё недовольство.

Слова были сказаны «невзначай», но слушатель понял их по-своему.

Император отстранился, его глаза забежали. Наконец он рассмеялся.

— Чего бояться? Я придумал. Я не только не отстраню его от должности, но и повышу.

Так гнев ужунов сосредоточится на этом юноше и не утихнет ещё долгие годы. Сейчас было слишком рано сбрасывать его со счетов. В нужный момент он станет пешкой, которую можно будет пожертвовать.

«Нельзя, чтобы он сейчас отдал концы».

При этой мысли император властно взмахнул рукой.

— Слуги! Передать указ! Жун Хэнсун прославил мощь нашей державы и отныне будет пользоваться особым расположением. Пусть придворный лекарь тайно осмотрит его и назначит лечение по стандартам высшей знати.

Мгновение спустя он добавил к указу ещё несколько строк.

***

На следующий день, когда Жун Цзюань мирно отбывал свой срок в тюрьме, к нему явился длиннобровый евнух с указом.

— Поздравляю, господин Жун.

С чем это?

Не успел заключённый опомниться, как евнух начал зачитывать:

— Ты, помощник министра в Министерстве ритуалов, Жун Хэнсун, обладаешь отвагой и знаешь честь.

«Какое знакомое начало сочинения!»

У Жун Цзюаня волосы встали дыбом. Ему отчаянно хотелось прервать евнуха.

— ...Пренебрежение условностями достойно восхищения. Посему жалую тебя в начальники департамента в Министерстве ритуалов.

Начальник департамента, чиновник пятого ранга — уже серьёзная должность. Юноша едва не закашлялся кровью.

— Господин евнух, почему Его Величество...

Понимая, что у того накопилось множество вопросов, длиннобровый евнух, вручая указ, произнёс:

— Господин, не спрашивайте. Просто будьте благодарны.

— ...

«Да я тебя... Коу-Коу!»

<http://bllate.org/book/15979/1444083>